

Александр Дугин

Традиционность и современность

Выступление на Первом Сибирском форуме ВРНС

Указ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» – это поворотный элемент, это поворотный момент.

Мы вообще живём в новой эпохе. Эта новая эпоха в России началась 24 февраля, после начала СВО. Специальная военная операция повлекла за собой огромные трансформации в позиционировании нашей страны в глобальном контексте. Этот закон – принципиальная точка объявления, по сути дела, новой идеологии России. Это не идеология государства, это суверенная идеология нашего общества. Это то, что объединяет представителей всех партий. Вот на ВРНС, который состоялся недавно в Москве, выступали представители вообще всех дум-

ских партий, и на создании культурного фронта то же самое. Лидеры и первые представители всех парламентских партий – все едины, может быть, взгляды политические несколько разнятся, но все едины относительно этой суверенной идеологии, относительно того, что мы присягаем традиции, что мы присягаем традиционным ценностям.

Это некая метаидеология, это то, что объединяет партии, объединяет представителей власти и общества, народа и церкви, традиционных конфессий, потому что они на то и традиционные конфессии, что придерживаются традиционных взглядов, традиционных ценностей. Да, это в первую очередь Русская православная церковь, но и другие традиционные конфессии. А что такое традиция?

Социологи наверняка знают, что общество делится в социологии на несколько типов, которые представляют собой некие не просто временные, но именно антропологические конструкции. Это – традиционное общество, которое характеризуется как раз превосходством духовного над материальным, крепкими семьями, ценностью жизни, нравственности, преемственностью поколений. То есть традиционное общество – это общество, которое ставит во главу угла священное, духовное сословие, военное сословие ставится на высший уровень не потому, что они сильные или богатые, а потому, что они жертвуют, служат и доходят в своём служении до конца, до предела.

И это священная вещь. Как говорили древние римляне: «Сладко и прекрасно умереть за родину» и вот это истина традиционного общества, это истина империи, это истина религиозного общества, это истина настоящего патриотизма, и вот ему присягает сегодня Россия. И вот традиционное общество – это один тип в социологии.

Чему противоположно традиционное общество? А вот здесь самое интересное. Социологи говорят, что традиционное общество противоположно обществу современному. Оказывается, пара «тезис и антитезис» при определении понятия традиции противопоставляются традиция и современность, то есть модерн. Отсюда в социологии, в истории, в истории культуры эта пара понятий – традиционное общество и нетрадиционное общество.

Современное общество – это общество нетрадиционное. Так же как ориентация бывает нетрадиционная. В традиционном обществе ориентации традиционные – крепкая семья, дух над материей, а в современном обществе, в европейском модерне всё наоборот. Это общество, где всё традиционное считается устарелым, где всё традиционное необходимо преодолеть. Так традиционные ценности в обществе европейского модерна начиная с эпохи буржуазной революции, начиная с эпохи Великих географических открытий, с XVI века методично начинают изживаться. Вся история последних пяти веков Западной Европы, с которой мы сейчас воюем, и была движением против традиции в пользу современности. И чем больше современности, тем меньше традиции.

В какой-то момент была выдвинута догма прогресса, противоположная всем религиозным учениям, всем традиционным конфессиям. Догма о том, что человечество раньше жило плохо, было идиотским, следовало каким-то традиционным ценностям, а вот теперь оно осво-

бождается от Бога, от Церкви и дальше – от нации, от культуры, от семьи, от пола, от человеческого вида. И это и есть прогресс, это и есть модерн, или современность.

То есть модерн говорит, что мы двигаемся от традиционных ценностей. Мы утрачиваем коллективную идентичность, мы преодолеваем и перечёркиваем одну традиционную ценность за другой и утверждаем противоположное. Вот что такое модерн. Если мы хотим прогресса, если мы хотим развития в этом магистрально западном ключе – будьте любезны разрушить церкви, упразднить сакральные институты, маргинализировать или уничтожить священство, принизить воинов, поставить во главу всех торговцев, во главу угла – олигарха, разрушить семьи и насадить вот эту индивидуалистическую идентичность нашим детям для того, чтобы они как можно быстрее исчезли с лица земли, умерев от наркотиков или от СПИД, или будучи заменёнными искусственными киборгами. Это уже не фантастика, ещё сто лет назад это была фантастика, но сегодня это программа современных либеральных прогрессийских партий. Это уже идеология Запада.

Вот мы сегодня с ним воюем в этом состоянии, но начиналось всё с вроде неплохой идеи – освободить человека, раскрыть его творческий потенциал, построить материальные условия комфорта, жить лучше, создать машины, но для этого всего надо забыть Бога. Потому что Бог требует от нас усилий. Церковь требует от нас дисциплины, не только прав, но и обязанностей. Традиции, государство, империя требуют служения, требуют жертвы. И вся наша традиционная культура была построена на этом. И семья – это тоже не только радость, это ещё и жертва. И любовь – это жертва, когда мы не только наслаждаемся, но и служим, несём на себе большие обязательства. Как и служба в церкви, как и монашество, как и подвиг воина, подвиг – строительство семьи, воспитание детей. Так вот традиция противоположна модерну.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл как раз нам на заседании ВРНС очень точно обозначил исток зла. Он назвал его термином «секуляризм». А секуляризм – это и есть переход от традиционного общества к обществу современному, от духовного к материальному или антидуховному, то есть к секулярному, светскому. Если мы отказываемся от главенствующей роли, нормативной роли духовного института Церкви для нас, русских православных людей, от исламской традиции для мусульман и других, то мы переходим к секулярному порядку и как бы освобождаем человека от Бога. Человек остаётся один. Это и есть модерн.

Понятие современности изначально было богоборческим, это было восстание человека против Бога, земли против неба, материи против Духа, вот что такое современное общество. И когда мы говорим о прогрессе, когда мы говорим о совершенствовании, о том, что человечество развивается, с точки зрения религии всё получается наоборот. Если мы посмотрим глазами религиозного человека на последние пятьсот лет вплоть до сегодняшнего состояния западного общества, мы увидим не прогресс, а деградацию, мы увидим не

совершенствование человека, его морали, а, наоборот, его полное распыление, вырождение, которое всё больше и больше ускоряется.

Весь модерн, всё современное общество находится в конфликте с теми ценностями, которые сегодня утверждены в качестве основы нашей государственной политики. Это глобальный консервативный поворот России впервые за сто лет, потому что и коммунистическая, и либеральная идеи – про прогрессивские, секулярные идеологии, а эти духовно-нравственные ценности – это не просто попытка вернуться к советским примерам. Традиция как раз рассматривает всё это как предельную форму отторжения. Мы фактически уже осуществили консервативный поворот, который требует переоткрытия традиции, который требует понимания, нового постижения основ религиозного мировоззрения. Оно теперь рассматривается не как какое-то дополнение к ритуальной услуге, которая, когда нам плохо, исполняется, если мы обращаемся к священнику. Оно теперь – вся полнота христианского традиционного мировоззрения начиная с творения мира, с космогонии. Не только нравственность мы берём из Церкви, мы должны взять из Церкви всё её учение, потому что это есть суть традиции, и о мире, о человеке, ангелах, воскресении мёртвых и о Страшном суде. Как несовременно, скажете, звучит. Ну да, это несовременно, более того – это антисовременно. Потому что это истинно, истинно в вечности.

Для нас это шутка: какая вечность, это что очень долго, что ли? Вечность – это то, что было, есть и будет одновременно, это то, что есть сейчас, это другое измерение – вертикальное по отношению ко времени. У нас всё в горизонтали в современном обществе, а вечность – это вертикаль, которую проходят сейчас и здесь наши сердца. И в этом свежесть вечности, в этом невероятная жизненность духовного мировоззрения, потому что Церковь – это не о том, что было раньше, и наша религия – это не о том, что когда-то там во время оно произошло. Это то, что происходит здесь и сейчас. И Божественная Литургия происходит здесь и сейчас, и это вечно. Вечно – это не значит много времени, это, наоборот, снятие времени в сверхвремя.

Социология выделяет ещё одно явление – постмодерн. Что происходит при переходе от модерна к постмодерну? Традиция – это утверждение священных вертикальных ценностей духовных, модерн – это отвержение этих духовных ценностей. Отвергая Бога, модерн отвергает и дьявола, ставит на их место человека, а постмодерн говорит, что Бога нет, но дьявол есть. Это обнаружение сатанинского плана модерна, секуляризм. Результатом того секуляризма, выступающего против Духа, против Бога, скрытым мотором является именно он – дьявол, пришествие его посланника – антихриста – в мир.

Постмодернистские авторы уже открыто обращаются к дьяволу, к бесовским текстурам, к разложению человеческого сознания, к созданию постчеловеческих видов, химер. Фактически наш президент в своей речи о признании четырёх новых субъектов Федерации прямо назвал западную цивилизацию сатанинской, это не метафора. Это сущность взгляда традиционного человека на то, что такое постмодерн.

И вот с этим дьяволом-то мы имеем дело сегодня в ходе СВО, мы

против него воюем, не против Украины. И для того, чтобы воевать с ним эффективно, нам нужна глубинная традиционная система ценностей, потому что если обыкновенного врага можно технически победить, то такого вот духовного физического врага – павшего ангела бессмертного – победить нельзя. Если это цивилизация сатанинская, то это всё меняет. Мы подошли к концу истории, взгляд с другой стороны: это не процесс развития, совершенствования, комфорт материального обеспечения – это язвы, пандемии, война, голод, смерть и гибель, это расцвет ада.

Мы имеем дело с цивилизацией ада. И как мы можем с ней бороться, если мы сами её часть, если мы пользуемся такими же методами, если мы сами секулярные прогрессисты, конформисты, капиталисты и либералы? Как мы можем победить коллективный Запад, с которым мы ведём войну, если мы кусочек Запада, который хочет выйти из-под прямого контроля у дьявольской митрополии? Конечно, мы не победим, просто это очень серьёзно. Наше общество, может, и было готово, потому что наш народ существует благодаря этой верности своим традиционным корням вопреки всему, но политическая система была точно не готова, чтобы биться с тем, чьё существование отрицалось долгое время. Поэтому важны сегодня закон о традиционных ценностях, речи нашего президента, которые становятся всё более и более определёнными с точки зрения цивилизационной идентичности России, всё более и более конкретными.

Мы приближаемся к формулировке того, кто мы сегодня. Но мы сегодня с точки зрения традиции – это то, кем мы были всегда, кем были наши предки, наши отцы-основатели, наши святые, те, кто заложил основу нашей Русской церкви, нашей русской государственности, семьи и нашей русской цивилизации. Мы должны обрести через нашу традицию вот это измерение русской вечности, измерение духовной битвы. И для этого необходимо нам не просто победить на поле боя, нам необходимо измениться, внутренне измениться, мы должны выиграть эту духовную битву в самом нашем обществе, в самих себе, в нашем государстве, в нашем народе. Народ-то как раз поэтому и един сегодня и с теми воинами, которые сражаются на наших западных территориях против врага, против коллективного Запада, и с властью, которая бросила вызов вот этому глобальному левиафану. Сегодня мы должны быть едины, но мы должны измениться. В том состоянии, в котором мы находимся сегодня, мы эту войну не выиграем, потому что это война священная, это война по-настоящему смертельная, это наш последний бой.